

МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

УДК 316.346.32–053.6

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Б. С. Павлов

В статье анализируются особенности понятия и содержания феномена «экономическое поведение» применительно к молодежной когорте населения в регионе в условиях нестабильной экономики и перманентных социальных угроз и рисков. Теоретико-методологические посылы и выводы автор подкрепляет результатами ряда социологических проектов, реализованных им в Институте экономики УрО РАН в 2010–2016 гг.

Автор предметно реализует принцип взаимодействия двух тенденций в развитии социально-экономического познания: социологизации экономической теории и экономизации социологической мысли. Особое внимание при этом уделяется анализу социально-экономического поведения молодых людей в сферах профессиональной социализации и матримонимальных отношений.

Ключевые слова: экономическое поведение, молодежь, нестабильность, риски, профессиональная социализация, матримонимальные отношения

Проблематика, связанная с изучением экономического поведения социальной группы (отдельного индивида), для современных российских социологов и экономистов актуализировалась относительно недавно. Переход к рыночной экономике в России стимулировал такой интерес исследователей-обществоведов (в том числе социологов), так как наметился определенный разрыв между теоретическими разработками феномена «экономическое поведение» и прикладными, эмпирическими знаниями, полученными в результате многочисленных социально-экономических (социологических) исследований [19; 26; 27].

Актуальность разработки процедур социологического анализа экономического поведения объясняется и тем фактом, что многие проблемы, связанные с этим феноменом, анализируются в рамках экономических теорий, особенно институциональных. Данное обстоятельство приводит к диффузии социологического знания в оценку экономической жизни общества. Очевидно, что социологический «анализ экономического поведения поможет уточнить демаркацию границ экономической и социологической теорий, изучающих хозяйственную жизнь общества» [4, с. 5].

Основоположником поведенческого подхода в области экономической социологии по праву считается М. Вебер, теория социального действия которого, в том числе действия экономического, является фундаментальной

базой социологического анализа экономических процессов общества. Для исследований М. Вебера, раскрывшего структуру экономического действия, характерен рационалистический подход, дающий возможность построить идеальный (чистый) образец экономического действия, характерный для определенной экономической культуры («дух капитализма») [41].

Важный вклад в прояснение социальной сущности и природы экономического поведения, репрезентативного для периода развивающегося индустриального капитализма, внес Г. Зиммель. Выделенный им денежный тип рационализации социальной жизни позволил ему раскрыть природу универсальных критериев и форм социально-экономического обмена, которые регулируют и координируют поведение множества людей [9]. Наш соотечественник Н.Д. Кондратьев в рамках своей вероятностно-статистической концепции социальных наук сумел экстраполировать поведенческий подход в широкую область экономических явлений [12].

В Европе, в частности во Франции, в социологической теории также наблюдается особое внимание к так называемой «аксиоматике интереса», то есть к максимизационному принципу, лежащему в основе объяснения различных моделей социального поведения. Это, по мнению А. Кайе, прослеживается в работах Р. Будона, М. Крозье и П. Бурдые [11].

В рамках экономической теории Дж. Кейнса имелось множество теоретических фрагментов, в которых просматривались контуры оригинальной концепции экономического поведения, способствовавшей появлению экзистенциальной трактовки экономического выбора Дж. Шекла и концепции «*homo creativus*» Дж. Фостера. В рамках синтетического подхода Й. Шумпетера исследован феномен рациональности экономического поведения, который являлся ключом к пониманию его концепции «*Sozial okonomik*» [42].

В «новом» институционализме и экономической теории трансакционных издержек (Р. Коуз, А. Алчиан, Д. Норт, Р. Познер, О. Уильямсон и др.) была существенно расширена неоклассическая парадигма анализа экономического поведения за счет поиска и нахождения его новых компонентов и измерителей, позволяющих выделить институциональный «каркас» социальных действий и взаимодействий, то есть «контрактных» систем (организаций) различного класса и порядка (подробнее см.: [21, с. 8–11]).

Поведенческий анализ производственных (трудовых) процессов активно применялся в отечественной советской социологии. Следует отметить работы В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова, В. Г. Подмаркова, Н. Ф. Наумовой, Ю. Д. Красовского и других авторов [38; 40; 24; 8; 17]. В переходный (постсоветский) период «фокус» поведенческого анализа постепенно переместился в область экономических процессов, наметился определенный интерес к изучению различных моделей максимизационного (экономического) поведения, что было связано с этапом становления рыночных отношений в нашей стране. В частности, разрабатывались различные концептуальные подходы, связанные с обоснованием предмета экономической социологии, анализа моделей «*homo economicus*», экономической культуры и риска, предпринимательства, собственности, рационального экономического выбора, трудового, организационного, экономического поведения и сознания [7; 30; 33; 13].

Актуализация феномена в условиях экономической нестабильности

В эпоху постиндустриального общества благодаря достижениям научно-технического прогресса работающий индивид получил реальную возможность (материальную, информационную, энергетическую и др.) влиять (как положительно, так и отрицательно) на результаты деятельности органи-

заций и социально-экономических систем [28; 29; 25].

В этих условиях модели человека, разработанные в рамках традиционных экономических теорий, стали недостаточно адекватными. Развитие науки привело к необходимости психологической ориентации экономических исследований, к исследованию *экономико-психологических и социально-психологических закономерностей поведения индивида* [10; 35].

Изучение экономического поведения — одна из центральных проблем экономической социологии — сравнительно новой научной дисциплины, сформировавшейся на стыке экономического и социологического знания и получившей относительно самостоятельный статус лишь на рубеже 50–60-х гг. прошлого столетия (в отечественном общественном сознании это произошло еще позже — фактически лишь в начале 90-х гг.).

Именно эта научная дисциплина и призвана интегрировать подходы к пониманию и описанию экономического поведения, выработанного в рамках как экономической, так и социологической науки. И уже в силу своего междисциплинарного статуса она не может ограничиться простой (и, казалось бы, самоочевидной) констатацией того факта, что у каждой из этих наук, в соответствии со спецификой своего предмета, существует и свой особый подход к анализу экономического поведения. Ибо одна из главных функций междисциплинарных, «стыковых» образований в системе современного глубоко дифференцированного научного знания как раз и заключается в интеграции (объединении в целостную, непротиворечивую систему) исследовательских ориентаций и теоретических принципов наук, имеющих общие познавательные интересы, и переходе на этой основе от предметно ориентированного к проблемно ориентированному знанию. Интегративные процессы в современной науке и кристаллизуются вокруг проблем, представляющих общий интерес.

С этой точки зрения, отмечает уральский социолог Т. Л. Александрова, экономическую социологию можно рассматривать и «как результат, и как предпосылку взаимодействия двух тенденций в развитии социально-экономического познания: социологизации экономической теории и экономизации социологической мысли. В свою очередь, эти тенденции сами выступают на протяжении последних двух столетий лишь способом теоретического отображения реально совершающегося двуединого процесса — растущей *экономизации всей соци-*

альной жизни, с одной стороны, и нарастающей подобно эффекту бумеранга социализации экономической жизни, всей сферы экономики, как относительно автономного сектора социальной системы, с другой стороны» [1, с. 34–35].

Можно утверждать, что в основе конституирования экономической социологии как относительно самостоятельной отрасли знания лежит интенсивно развернувшийся в модернизированном обществе процесс завоевания экономикой новой роли в обществе, ее качественно новых отношений с социумом и становления на этой основе нового (по сравнению с традиционным обществом) типа взаимодействия с этой выделившейся и обособившейся от социального целого сферой с другими сферами и с самой социальной системой как с целым. Поскольку экономика есть в своем непосредственном бытии не что иное, как система взаимодействий людей и созданных этим взаимодействием экономических связей, постольку «экономическое поведение можно рассматривать как феноменальный уровень (слой) экономической сферы, чувственно обнаруживаемое проявление ее природы, функционирования и развития» [21, с. 8–12].

Считают, что экономическое поведение — предмет всех исследований и обобщений экономической теории. Центральное место во всех трактатах по экономической теории с незначительными отступлениями занимает одна и та же мысль: все исследования в области экономики направлены на анализ и предсказание человеческого поведения. Так, А. Маршалл пишет, что «экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [15]. «Экономическая теория, — отмечает Л. Роббинс, — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [31].

Можно привести множество аналогичных высказываний других авторов, доказывающих, что предмет экономической науки есть исследование человеческого поведения в экономической сфере. Но многие формы человеческого поведения могут составлять предмет исследования сразу нескольких дисциплин: к примеру, проблема деторождения образует особый раздел социологии, антропологии, экономической теории, истории и т. д. [5].

Институциональный «каркас» феномена «экономическое поведение»

Важное место в структуре социологического анализа занимает «изучение институциональных «каркасов» экономического поведения, которые цементируют дискретно-стохастические «поведенческие множества», организуя и интегрируя в них определенный социальный порядок, как во времени, так и в пространстве» [4, с. 7]. Естественно, что особое место в системе этих социальных порядков занимают институты в сфере экономических отношений.

Актуальным направлением социологического анализа, по мнению В.И. Верховина, является изучение особенностей производственного поведения, социальных и экономических механизмов интеграции и специализации производственных организаций различного рода. В качестве ключевых в этом анализе он правомерно выделяет следующие социологические интерпретации:

- производственной функции фирмы и контрактно-институциональных и управленческих механизмов, обеспечивающих ее оптимизацию;

- пределов социальной эффективности и целесообразности интеграции экономических интересов членов производственной организации;

- баланса интересов хозяев и наемных работников, который делает возможной или невозможной оптимизацию производственной функции фирмы;

- аксиологического модуса производственного поведения, т. е. инструментальных и терминальных ценностей, которые определяют максимизационные предпочтения и режимы максимизации членов производственной организации в соответствии с их экономическими и профессиональными статусами и интересами;

- дисфункциональных (центробежных) тенденций, способствующих возникновению моделей минимизации производственной и трудовой активности (рестрикционизм и оппортунизм) [4, с. 7–8].

Эффективные социологические исследования социально-экономического поведения работников непосредственно связаны с внедрением в научное и общественное сознание нового представления «о человеческом факторе развития экономики». Можно согласиться с Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, выделившими три этапа в развитии представлений о роли человека в экономике [7, с. 34–36]. Для первого этапа характерно представление о

людях как специфическом виде ресурсов, потребляемых общественным производством, выражающимся понятиями «трудовые ресурсы» и «рабочая сила». Они отражают подход к человеку как пассивному объекту внешнего управления. Трудовые ресурсы не могут ставить собственных целей, иметь потребности, выражать определенные интересы, проявлять инициативу.

Второй этап связан с представлением о человеке как субъекте общественного развития, что наиболее четко отражено в понятии «человеческий фактор», подчеркивающим активную роль человека. Представляя значительный шаг вперед по сравнению с понятием «трудовые ресурсы», понятие «человеческий фактор» в то же время ограничено: в его рамках человек рассматривается не как главная общественная ценность, а как фактор внешних относительно него процессов развития. Представляется, что в качестве основного нужно использовать понятие «личность». В этом случае человек предстает уже не как ресурс производства или фактор развития экономики, а как многогранный, многоуровневый субъект [22, с. 112–114].

Экономическое поведение как ваятель человеческой личности

Но только ли в экономической сфере важен анализ институализации экономического поведения молодежи? Общество формируется из системы социальных институтов и представляет собой сложную совокупность экономических, политических, правовых, духовных отношений, обеспечивающих его целостность как социальной системы. Социальный институт в социологической интерпретации рассматривается как исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности людей; в более узком смысле — это организованная система социальных связей и норм, призванная удовлетворить основные потребности общества, социальных групп и личности.

В свое время В.А. Сухомлинский очень точно и образно выразил сложный процесс становления личности молодого человека: «... первый раз рождается живое существо, второй раз — гражданин, активная, мыслящая, действующая личность... Семья — это та первичная среда, где человек должен учиться творить добро» [36, с. 65].

Процесс «второго рождения» принято называть процессом социализации, который связан с освоением растущим и взрослеющим индивидом первичных общетрудовых и про-

фессиональных знаний, умений, навыков, с жизненным самоопределением, отвечающим общественным, групповым и личным интересам. И, наконец, он знаменует превращение индивида в личность, способную и готовую к осознанному вступлению в общественный воспроизводственный процесс в качестве активного, дееспособного субъекта преобразования окружающей действительности. Своеобразной «повивальной бабкой» при рождении и формировании дееспособной социализирующейся личности является ее экономическое поведение. Доказательство тому — те функции, которые выполняет это поведение для молодого человека [3, с. 83–85] (см. табл. 1).

Молодежь как социально-экономический «бульдозер»

Экономические отношения, общественные преобразования и соответствующее им экономическое поведение пронизывают всё и вся процесса жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и различных социальных групп. В нашем случае речь идет о молодой части общества, той ее части, которая, воспроизводясь, перманентно замещает последующие возрастные слои общества, благодаря чему «образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества» [14, т. 27, с. 402].

Известно, что специфическими социальными интересами молодежи являются жизненное самоопределение, поиск приемлемого социально-экономического статуса, обретение относительной автономности и независимости, способности к самообеспечению. По идее П.А. Сорокина, распределение людей по социальным позициям и перемещения внутри социальной структуры совершаются не спонтанно, а происходят в сфере действия социальных институтов, обеспечивающих «тестирование и селекцию» индивидов. Основная цель этого контроля — распределить индивидов в соответствии с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо исполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество [34, с. 423].

Вместе с тем к концу XX — началу XXI в. к числу выраженных особенностей массового социального поведения россиян (в первую очередь молодежи), накладывающих заметный отпечаток и на их профессионально-экономическое поведение, социологи относят *высокий уровень спонтанности, незначительную роль правовых регуляторов поведения, радикализм*

Таблица 1

Функции экономического поведения

Функция	Содержание функции
Социализирующая	Субъекты включаются в разнообразные социальные группы, приобщаются к социальному миру
Адаптационная	Экономическое поведение (ЭП) позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, помогает адаптации к новым реалиям общества, формирующемуся глобальному рынку
Интегративная	Модели и виды ЭП отражают моду и общественное мнение, т. е. посредством экономического поведения индивид интегрируется в ту или иную социальную группу, общество
Регулирующая	Те или иные поведенческие акты затрагивают глубинные механизмы восприятия и понимания существующих обычаев, традиций, привычек, правил поведения. В конечном счете это определяет всеобщее следование законодательно закрепленным нормам и способствует сохранению и поддержанию общественной системы
Целеполагания	Социально-экономическая система постоянно развивается, вместе с ней появляются и развиваются модели поведения людей, что обуславливает непрерывное обновление целей и создание новых ценностей

и трудности нахождения «золотой середины», низкий уровень организации и самоорганизации социального действия, и др. [16; 33].

Специфические социальные интересы для различных групп и подгрупп молодежи не остаются неизменными, их структура динамична и способна перестраиваться в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями и изменяющимися потребностями молодых людей. Одной из особенностей изменений в структуре современных социальных интересов российской молодежи, как это фиксируется многочисленными социологическими исследованиями, становится возрастание значения материальных и снижение роли духовных интересов. Важно подчеркнуть, что на современном этапе своего развития российское общество во многом неспособно предоставить молодым людям возможность законным способом реализовать возросшие материальные запросы, что выступает одной из важнейших причин распространения девиантного поведения в молодежной среде.

Итак, основным объектом нашего исследования является молодежь. Однако здесь важно одно уточнение, касающееся учета диалектического взаимодействия «общее — особенное — частное — единичное». В предлагаемой статье речь идет не вообще о «молодежи» (общее), не о всей российской молодежи (особенное), а лишь ее части — уральской (частное). Другими словами, мы будем анализировать экономическое поведение молодежи в условиях городов и сельских поселений Урала, отличающихся, например, от центральных областей России природно-климатическими,

экологическими и производственно-экономическими повседневными условиями бытия жителей, называющих себя, как правило с гордостью, уральцами.

И еще одно важное уточнение. Небезызвестный К. Прутков настоятельно предупредил соотечественников, что «нельзя объять необъятное». В своей статье мы, естественно, коснемся не всех аспектов (форм, сторон) экономического поведения (далее ЭП) молодых уральцев. Прежде всего, мы будем анализировать некоторые аспекты экономического поведения молодежи в двух основных взаимосвязанных сферах человеческой жизнедеятельности: профессионально-трудовой (сфера производства) и матримониально-бытовой (сфера потребления). Обозначенные сферы ЭП, несомненно, имеют первостепенное значение как для процесса социализации молодого поколения, так и поступательного развития, воспроизводства социума в целом. Это поведение связано, во-первых, с подготовкой молодых россиян к самостоятельному производительному труду в сфере общественного производства (в частности, в период профессиональной социализации) и, во-вторых, с включением молодежи в процесс производства «третьего рода», которое, по определению классиков, «заключается в том, что люди, ежедневно, заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаются: это — отношения между мужем и женой, родителями и детьми, семья» [14, т. 3, с. 27]. Другими словами, речь идет о традиционном феномене включения молодого поколения в традиционные матримониальные отношения.

Попытаемся более предметно, так сказать, «с цифрами в руках», рассмотреть некоторые аспекты обозначенных проблем. Анализируя ЭП учащейся и работающей молодежи на Урале, мы использовали результаты ряда социологических опросов, проведенных нами в 2010–2016 гг. в Институте экономики УрО РАН, в частности:

— 2010 г. — опрос 630 студентов старших курсов технических и гуманитарных факультетов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ). Предмет исследования — уровень и характер социально-экономической деятельности молодых людей и их причастности к религиозной культуре («Урал-ВУЗ-2010»);

— 2012 г. — проведено комплексное социологическое исследование, связанное с анализом ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования в регионе, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей четырех групп респондентов — субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием. В их числе опрошены: 1000 студентов IV-V курсов семи уральских вузов городов Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск («СТ»)¹; 250 чел. в качестве экспертов — ведущих преподавателей этих вузов («ЭП»); 600 молодых специалистов (выпускников вузов)² с предприятий реальной экономики Урала — («МС»); 150 чел. в качестве экспертов — работодателей и ведущих менеджеров этих же предприятий («ЭР» — «Урал-ВУЗ-Завод»-2012);

— 2015 г. (март-апрель) — по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) был проведен опрос 450 студенток старших курсов. В выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля, и 225 — гуманитарного профиля («Урал-ВУЗ-2015»);

— 2016 г. — в шести уральских вузах (Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1600 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и

гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей («Урал-ВУЗ-2016»);

— 2016 г. — в рамках «инженерной» проблематики в Свердловской области были реализованы два социологических проекта: а) опрос 1200 молодых инженеров на 11 промышленных предприятиях региона (ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.), ОАО «СТЗ» (200 чел.), ОАО «НСММЗ» (45 чел.), АО «НПО автоматики» (170 чел.) и др.); б) опрос 300 экспертов из ряда институтов отраслевой и вузовской науки («Урал-Завод-2016»).

Препоны профессионально-трудо- вой социализации

В конечном счете, реализация и общественной, и государственной потребности в сфере профессиональной социализации молодежи происходит на уровне личности. При этом потребность в высшем образовании определяется ценностью такового «не вообще», а для каждой личности конкретно. В выборе профессии, а значит и учебного заведения, немаловажную роль играют субъективная мотивация, социальная ориентация и жизненные планы молодых людей и их родителей (близких им людей). Именно в этих факторах выражается стремление молодежи занять определенное положение в обществе. В условиях рыночных отношений потребность в образовании выступает как взаимозависимый процесс выбора и освоения личностью выбранной и установившейся в его сознании своеобразной образовательной траектории. Чем шире спектр образовательных услуг, тем больше возможность у потребителя найти реальное воплощение образа своей потребности. Потребность в образовательных услугах — это спрос, который предъявляют личность и общество на те или иные образовательные услуги для освоения той или иной профессии.

Отношение молодого человека к профессии во многом определяется социальным статусом последней. Если обратиться к истории отечественной социологии, то еще в 60–80-е годы XX в. один из теоретиков проблематики социологии профессий В.Г. Подмарков выделял их две основные стороны. С одной стороны, он различал трудовую функцию профессии, как отражение объективно заданных условий и содержания труда, а с другой — характеристику способности, соответствия и подготовленности работника к выполнению трудовых операций, которую можно отнести к субъективной

¹ В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

² Опрашивались молодые специалисты в возрасте до 30 лет со стажем работы на данном предприятии не менее 3 лет.

составляющей профессии. Проблема соединения работника с условиями производства и условиями его собственного развития составляет центральное ядро профессии, которая выступает как «усвоенный самой личностью способ ее включения в трудовой процесс, аккумуляция качеств, необходимых для выполнения трудовых функций» [23, с. 55].

В условиях социально-экономических рисков и деструкций преобладающим мотивом при выборе профессии является необходимость получения хорошего образования для одних и «нужной бумажки» для других, для третьих — это способ получения отсрочки от армии. Отсюда и различные установки по отношению к учебе и к будущей работе по полученной в вузе специальности. Современный рынок труда «приветствует» полипрофессиональную подготовку и способности работника, которые достигаются последовательным, а зачастую и параллельным, выбором (пересмотром первоначального выбора) и, соответственно, последующим освоением дополнительных (дополняющих основную) профессий. Подобный «профессиональный катамаран» служит для молодого человека и в дальнейшем гарантией профессионального успеха, основой социально-психологической уверенности в своем благоприятном профессиональном (и в целом, социальном) будущем.

Вполне понятно, что наиболее существенные коррективы в формирование жизненных планов школьной молодежи вносят их родители, родственники и гораздо реже учителя, преподаватели учебных заведений. Так, в исследовании «Урал-ВУЗ-2016» на вопрос анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере повлиял на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе на Вас лично?» из 13 субъектов влияния подавляющее большинство респондентов из семи уральских вузов выбрали 5 (табл. 2).

Введение государством института платных образовательных услуг породило для значительной части населения проблему жизненно важного выбора между необходимостью удовлетворения витальных потребностей семей (продукты питания, одежда, оплата жилищно-коммунальных услуг и т. д.) и стремлением обеспечить детям возможность получения более качественного образования, выбора более перспективной и престижной профессии. Этот выбор, в конечном итоге, определяется, с одной стороны, реально оцениваемыми возможностями семейного бюджета, а с другой — системой сложившихся ценностных ориентаций,

Таблица 2
Распределение ответов респондентов (1600 чел.), %

Субъект влияния	%	«Разброс» ответов по вузам, %
Мать	61	От 55 (УрФУ) до 73 (ЧГПУ)
Отец	45	От 43 (ТюмГУ) до 52 (ЧГПУ)
Бабушка, дедушка	13	От 11 (ЮУрГУ) до 19 (УрГПУ)
Учитель, учителя в школе	17	От 13 (УрГУПС) до 26 (УрГПУ)
Преподаватели в вузе	7	От 2 (ТюмГУ) до 10 (ЧелГУ)
Никто не влияет, каждый выбирает сам	19	От 14 (ЧГПУ) до 26 (УрГПУ)

приоритетов в решении жизненных проблем у родителей и их взрослеющих детей. Вполне понятно, что эта дилемма не всегда решается в пользу реализации расширенной образовательной программы для детей. Поставив семью и молодых людей перед таким сложнейшим выбором, государство, в свою очередь, само встало в зону риска, установив непосредственную зависимость качества процесса образования и качества профессиональной подготовки специалистов от уровня материальной обеспеченности различных групп населения. По сути, государство поставило социально-экономический барьер на пути получения высшего образования малоимущими слоями населения [37].

При этом «родительские деньги» решают и проблему преодоления конкурсного барьера, и оплаты за обучение, содержание и досуговые занятия детей-студентов. С помощью денег родители «преодолевают» нередко и проективные планы своих сыновей и дочерей при выборе будущей профессии и вуза, в котором ее можно получить, и будущего места трудоустройства. Ценностные и, в целом, жизненные ориентации и планы молодых людей проявляются в мотивах выбора ими конкретного высшего учебного заведения для своей профессиональной учебы. Вот некоторые результаты опроса студенток УрФУ («Урал-ВУЗ-2015»), проходящих обучение в различных профильных институтах университета (% от общего числа опрошенных по каждому профилю; в числителе ответы студенток технических специальностей — 225 чел., в знаменателе — гуманитарных:

1. «Чем вас привлекает (привлекал) вуз, в котором Вы учитесь сейчас?»

Можно получить хорошую профессию, необходимую в рыночных условиях	78 / 70
Мне нравится специальность, на которой я учусь	60 / 68
Близость учебного заведения к дому, к семье родителей	32 / 19
Просто так сложились обстоятельства	28 / 4
Возможность учиться со своими друзьями, подругами	6 / 23
2. «Припомните, что явилось для Вас определяющим фактором в выборе профессии, на которую Вы сейчас учитесь, при поступлении?»	
Наличие склонности, интересов и способностей	43 / 31
Престижность, популярность профессии	23 / 22
Так сложились обстоятельства (поступил случайно)	21 / 6
Традиции семьи (желание быть похожим на отца, мать ...)	20 / 1
Желание приобрести материальную независимость	17 / 19
Хорошая успеваемость по гуманитарным наукам	23 / 46
Формирование той или иной компетенции как определяющего профессионально-личностного качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремленную адаптацию к учебному процессу. О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса «Урал-ВУЗ-Завод-2012». На вопрос «В чем Вы видите основные причины практически «повального» безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования?» нам ответили как преподаватели вузов, так и руководители предприятий, производств, подразделений. Вот их мнения по этому поводу (в % от общего числа опрошенных, в числителе преподаватели вузов — 250 чел.; в знаменателе руководители производств — 150 чел):	
Студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности	52 / 65
Платное обучение диктует кафедрам и преподавателям снисходительно относиться к нерадивым студентам	46 / 43
У работающих студентов существенно ограничены возможности для серьезных занятий в вузе	33 / 36
Молодые люди поддаются общему настроению — учиться без особого «напряга»	30 / 22
Низкая требовательность к студентам со стороны администрации вуза	28 / 30

Молодые люди не приучены к труду и трудностям	29 / 37
Отсутствие потребности получить серьезные профессиональные знания	25 / 25
Виноваты преподаватели, которые не могут заинтересовать студентов серьезно относиться к учебе	17 / 17
Студенты надеются и после окончания вуза «сидеть на шее» родителей	10 / 10
Отмеченные экспертами причины низкой заинтересованности студентов в качестве своего профессионального образования — это своеобразный компас в проведении модернизации системы высшего образования, и не только на Урале [20].	

Прожективный вариант дальнейшего жизнеобеспечения нерадивых студентов продолжать использовать все ту же «шею родителей» набрал всего 10 %. Заметим, кстати, что при экономическом поведении взрослеющих молодых людей в режиме «сидя на шее родителей» высшее образование на Урале получают сегодня более 50–70 % студентов. По мнению экспертов, в жизненных планах предусматриваются переориентация «с родительской шеи» на «шею государства», расчет на благотворительность успешно работающей и хорошо платящей деньги трудовой ассоциации, на добротота-работодателя. Для молодых женщин с вузовским дипломом — это, помимо всего, стремление и возможность «занять вакансию» жены в семье успешно зарабатывающего деньги мужа-предпринимателя или поймать благополучного жениха-иностранца.

Усвоение же программ дисциплин, входящих в стандарт той или иной специальности, связано, прежде всего, с готовностью студента к нелегкому учебному-познавательному труду. Известный немецкий педагог-мыслитель А. Дистервег (1790–1866 гг.) писал по поводу образования: «Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены. Всякий, кто желает к ним приобщиться, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением. Извне он может получить только возбуждение» [6, с. 118].

Нашим респондентам — студентам IV-V курсов ряда уральских вузов («Урал-ВУЗ-Завод-2012») задавался вопрос: «Как Вы считаете, какими качествами должны обладать выпускники, чтобы быть востребованными на рынке труда?». Ответы на этот вопрос можно в какой-то мере воспринять как «прорисовку» виртуального портрета современного молодого специалиста, конкурентоспособного на

региональном рынке труда. По степени предпочтительности личностные качества выпускников уральских вузов были проранжированы следующим образом (в % от общего числа опрошенных — 1000 чел): «трудолюбие» — 56 %; «профессионализм в работе» — 55 %; «общительность, умение ладить с окружающими» — 53 %; «жизненный оптимизм, вера в свои силы» — 48 %; «целеустремленность, желание сделать трудовую карьеру» — 46 %; «стремление совершенствовать профессиональное мастерство» — 37 %; «предприимчивость» — 28 %; «хорошая теоретическая подготовка» — 27 %; «сильная воля» — 27 %. Значительно меньшее число голосов набрали такие качества, как «мобильность, способность менять место жительства, окружение» — 23 %; «способность переносить удары судьбы» — 17 %; «физическая выносливость» — 16 %; «жесткость позиции, если уверен в своей правоте» — 13 %; «способность менять свои убеждения, если они не отвечают реальности» — 12 %.

Особый аспект профессиональной адаптации молодежи в сфере общественного производства — наличие условий, возможностей и стремления к перманентному административно-статусному и профессиональному росту. Возьмем, например, гендерный аспект проблемы. На ответах на вопрос анкеты «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы добиться возможности профессионального продвижения на данном предприятии?» («Урал-Завод-2016») гендерные отличия во мнениях молодых уральских инженеров (1200 чел.) оказались следующими (в % от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе ответы женщин — 300 чел., в знаменателе мужчин — 900 чел.):

Соответствующее образование.....	59 / 57
Продолжительный опыт работы на предприятии.....	49 / 38
Высокая квалификация.....	48 / 55
Личные интеллектуальные способности ...	48 / 52
Наличие коммуникативных качеств.....	41 / 44
Наличие лидерских качеств (качеств «управленца»)	39 / 51
Хорошая стрессоустойчивость.....	33 / 32
Наличие «весомых» связей (родственники, знакомые)	24 / 22
Признание в коллективе	22 / 24
Присутствие фактора везения, удачи.....	19 / 19
Активное участие в общественной деятельности	11 / 14
Хорошее физическое здоровье	6 / 7
Знание иностранного языка.....	3 / 3

Интерпретацию полученных данных представляем заинтересованным и компетентным читателям.

И последнее замечание, касающееся экономического поведения молодежи в сфере общественного производства. По мнению Т.Л. Александровой, профессиональная деятельность не только выступает ведущей сферой развертывания массовой хозяйственной активности населения, но концентрирует также и противоречия между целевой и ценностной рациональностью, между экономической и социально-культурной функциями профессии. Ибо социология является не только инструментом решения практических актуальных проблем того или иного общества, но и (что не менее важно) частью его культуры (подробнее см.: [21, с. 59–74]).

Несомненно правы новосибирские социологи Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, которые считали, что экономическая культура призвана отбирать (выбраковывать, сохранять; накапливать) экономические ценности и нормы, необходимые для выживания и дальнейшего развития экономики, накапливать эталоны соответствующего экономического поведения, транслируя из прошлого в современность ценности и нормы, лежащие в основе труда, потребления, распределительных и других экономических действий и отношений, обновлять ценности и нормы, регулирующие развитие экономики, являющиеся тем резервуаром, откуда черпаются новые образцы поведения. При взаимодействии с менталитетом нации экономическая культура формирует экономическое мышление индивидов, в результате определяется программа индивидуального экономического поведения и происходит собственно экономическое действие [7, с. 111–112].

«Экономический след» в матримониальных отношениях молодежи

Сегодня антропологи, историки, представители социальной синергетики повсеместно отмечают тенденцию возрождения доиндустриальных форм, идентичностей и субъектов, ранее сведенных до положения объекта истории, творимой Западом. Это проявляется двояко: и как возврат к докультурному, архетипическому или антропологическому началу, и как возрождение незападных культурно-исторических традиций, причем в их новом — универсальном, общечеловеческом — значении [39]. В этой связи перед социологией, как полагает Н. Смелзер, встает задача обратить «на примордиальные структуры достойное

внимание, какового они всегда заслуживали, но которое не всегда им уделялось» [32, с. 14]. Возможно, именно эта задача выступает сегодня одной из первоочередных для российской социологии.

Анализируя особенности несообразностей экономического поведения россиян в переходной экономике, Т.Л. Александрова связывает этот социокультурный феномен с неадекватностью институционального соотношения в поступательном развитии социума. Она считает, что в развитии новой социально-экономической системы в России предпочтения изначально отдавались сверхприродным, искусственным структурам и феноменам — социальным институтам, социальным организациям и организованным группам, технике и технологиям (в широком смысле слова), которые становятся доминирующими и определяющими в модернизированном обществе. «Соответственно за изначально данными, прирожденными, исконными и в этом смысле естественными — примордиальными структурами, такими как семья, религия, язык, этнос, закрепился статус подчиненных, периферийных элементов социальной системы, которые непосредственно не способны оказывать решающее воздействие на развитие общества» [1, с. 27].

К числу наиболее значимых примордиальных структур относится социальный институт семьи, с которым связаны, как правило, так называемые матримониальные отношения. Хотя термин «матримониальный» в словарях русского языка причисляют к книжно-устаревшим, относящимся к супружеству, к браку и «хлопотам», сопутствующим этому значимому этапу в семейно-брачных отношениях, считаем уместным использовать его в нашей статье, так как экономическое поведение молодых людей, в частности студентов вузов, в предбрачии связано с активным вступлением в межполовые отношения (в том числе интимные), ведущим подспудным мотивом которых, в свою очередь, является поиск будущего спутника жизни и в рамках собственной семьи рождение и воспитание потомства.

«Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, — писал в свое время Н.А. Бердяев, — биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет

феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья — хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая» [2, с. 202].

Прежде всего, попытаемся ответить на корневой вопрос: нужно ли вообще молодому человеку создавать собственную семью? Согласимся, что практически весь спектр социально-биологических потребностей современного человека (как мужчины, так и женщины) можно удовлетворить и не имея семьи, ведя холостяцкий (внесемейный) образ жизни. В равной мере это касается и экономической функции малой семейной группы. Возьмем тот же «быт», о который нередко разбивается семейная «лодка». Общественная сфера услуг (в первую очередь, в большом городе) при желании потребителя и при наличии у него соответствующих средств, как говорится, «накормит, напоит и спать уложит». Зачем молодому дополнительные хлопоты («головная боль») по содержанию семьи, прежде всего, «добыванию» собственного жилья, организации в нем быта (собственного «экономического уюта»), тем самым накладывая на себя вериги личной «экономической несвободы»? Зачем семейные ссоры, «разборки»? Такие рассуждения вовсе не из серии досужих домыслов.

В опросе «Урал-ВУЗ-2015» будущим молодым специалистам задавался вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3–5 лет)? Можно отметить несколько пунктов, наиболее важных для Вас». Ответы (в % от общего числа опрошенных — 450 студентов) распределились так:

Найти хорошее место работы, которое устраивало бы меня по всем позициям.....	64
Материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать).....	63
Выйти замуж.....	57
Родить ребенка.....	46
Путешествовать по миру.....	33
Продолжить учиться, освоить другую профессию.....	20
Серьезно заняться своим здоровьем.....	19
Уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, читать книги, слушать музыку и т. д.).....	15
Постараться уехать работать и жить в другую страну.....	14
Сделать политическую (общественную) карьеру.....	11

Остаться жить в России, в своем городе..... –2
 Уйти в науку, попытаться защитит
 диссертацию 5

Нетрудно видеть, что на среднесрочную перспективу (5–10 лет) в жизненных планах студентов доминируют две основные задачи. Первая — материально-экономическое самоутверждение, связанное с профессиональной деятельностью. И вторая — создание «нормальной» собственной семьи, включая рождение детей. Немаловажным будет отметить, что большинство наших респондентов уверены в реализации своих жизненных планов. На вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» отметили вариант «да» 43 % общего числа респондентов и вариант «скорее да, чем нет» — 56 %. Небезынтересно при этом узнать, на чем основана эта уверенность? На вопрос анкеты: «Если уверены, то что подкрепляет, прежде всего, Вашу уверенность, на чью помощь Вы рассчитываете? Можно отметить несколько пунктов, наиболее вероятных для Вас» были получены следующие ответы (в % от общего числа опрошенных — 450 чел.):

Помощь родных, родственников 66
 Уверенность в себе, в своих целях 56
 Помощь друзей 42
 Помощь знакомых, влиятельных людей 9
 Помощь администрации вуза 0
 Помощь преподавателей вуза 1
 Помощь администрации области, города 0

Основным ключом, позволяющим ответить на вопрос «что такое хорошо...», являются нравственные позиции формирующейся личности. Нравственное воспитание — один из наиболее важных и трудных разделов теории и практики социализации подрастающего поколения, которое традиционно возлагается на социальный институт семьи.

Некоторые выводы

Прежде всего, следует осознавать, что на современном этапе развития российского социума феномен экономического поведения молодежи — это не только и не столько поведение и активность молодых в сфере реали-

зации своих материально-экономических потребностей, интересов и устремлений. В числе других факторов, имманентно влияющих на жизнедеятельность молодежи (в частности, на ее миграционную мобильность), немаловажное (а нередко и определяющее) значение имеют параметры, факторы их социального статуса (профессионально-должностного, семейно-бытового и др.), статус территории и поселения проживания (природно-экологические особенности, статус города, безопасность жизнедеятельности и др.).

Далее: важнейшей предпосылкой экономического поведения является *экономическая культура* как совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития: способствующих (или мешающих) трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности. Права Т.Л. Александрова, которая считает, что «установка на копирование западных образцов и стандартов экономического поведения базируется на линейном прогрессистском видении исторического процесса, согласно которому все страны и народы с теми или иными видоизменениями будут воспроизводить исторический путь, пройденный западной цивилизацией. При этом не учитывается альтернативный и вариативный характер социально-экономического развития современного мирового сообщества» [1, с. 112–113].

И, наконец, важно осознавать и другое. Гипотеза либеральной экономики об универсальных способах реакции индивидов и групп на однотипные экономические ситуации опровергается практикой российских реформ. Нам представляется, что основное внимание исследователя должно быть направлено не на процессы адаптации, а на процессы переопределения массовым сознанием и поведением основных целей и ценностей поведенческой деятельности в целом и экономического поведения, в частности.

Список источников

1. Александрова Т.Л. Экономическое поведение и профессия: методология исследования: дис.... д-ра социол. н. — Екатеринбург, 2000.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Смысл творчества: Гл. IX. Творчество и любовь. Брак и семья. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 336 с.
3. Василенко О.В. Потребительское поведение как социальный феномен // Вестник ВолГУ. — 2008. — № 1.
4. Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа: автореф дис. ... д-ра социол. н. — М., 1999.

5. *Елкина О. С.* Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестник Омского университета. — 1999. — № 3. — С.120–124.
6. *Дистервег А.* Избр. педагог. сочинения. — М., 1956. — 378 с.
7. *Заславская Т. И., Рывкина Р. В.* Социология экономической жизни: очерки теории. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. — 442 с.
8. *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. — Серия: Актуальные проблемы исторического материализма. — М., 1986. — 224 с.
9. *Зиммель Г.* Избранные труды. — Киев: Ника-Центр, 2006. — 440 с.
10. *Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. — М.: Академия, 2008. — 272 с.
11. *Кайе А.* Интересна ли социология интереса (К вопросу об использовании экономической парадигмы в социологии) // Современная зарубежная социология (70–80-е годы). — М.: НИВО-ИНИОН, 1993. — С. 63–83.
12. *Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. — 1-е изд. — М.: Наука, 1991. — 567 с.
13. *Кравченко А. И.* Трудовые организации: структура, функции, поведение. — М., 1991. — 238 с.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 3.
15. *Маршалл А.* Принципы политической экономии: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1983. — Т. I.
16. *Найт Ф.* Понятия риска и неопределенности // Thesis. — 1994. — Вып. 5. — С. 60–120.
17. *Наумова Н. Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. — М., 1988 — 200 с.
18. *Нейман Дж. фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970. — 150 с.
19. *Олейник А. Н.* Институциональная экономика: учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 416 с.
20. *Павлов Б. С.* Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. — 575 с.
21. *Павлов Б. С., Анисимов С. А.* Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. — 604 с.
22. *Пилипенко В. Е., Гансова Э. А., Казаков В. С.* Социально-экономическое поведение личности и механизмы его регуляции: учебное пособие. — Киев: МАУП, 2002. — 296 с.
23. *Подмарков В. Г.* Человек в мире профессий // Вопросы философии. — 1972. — № 8. — С. 53–62.
24. *Подмарков В. Г.* Человек в трудовом коллективе. — М., 1982. — 176 с.
25. *Полтерович В. М.* Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 4 (55). — С. 17–29.
26. *Полтерович В. М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. — 2011. — № 2. — С. 101–111.
27. *Попов Е. В., Власов М. В.* Научная результативность вуза // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. — 2012. — № 5. — С. 9–14.
28. *Попов Е. В., Сергеев А. М.* Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // Вопросы экономики. — 2010. — № 2. — С. 103–116.
29. *Попов Е. В., Симонова В. Л.* Матрица теорий предприятия // Экономическая наука современной России. — 2002. — № 4. — С. 5–18.
30. *Радаев В. В.* Экономическая социология. — М., 1997. — 368 с.
31. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. Зима. — Т. I. — Вып. 1.
32. *Смелзер Н.* Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994.
33. *Соколова Г. Н.* Экономическая социология. — 2-е изд. — Минск, 1998. — 368 с.
34. *Сорокин П. А.* Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Изд-во полит. лит., 1992.
35. *Спасенников В. В.* Экономическая психология — М.: PerSe, 2012. — 448 с.
36. *Сухомлинский В. А.* О воспитании. — М.: Политиздат, 1975.
37. *Татаркин А. И., Павлов Б. С.* Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009. — 436 с.
38. *Человек и его работа / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова.* — М.: Мысль, 1967. — 392 с.
39. *Чешков М. А.* Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи Глобальной смуты) // Общественные науки и современность. — 1999. — № 6. — С. 128–140.
40. *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. — С. 89–105.
41. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. — Vol. 1. — Berkely: University California Press, 1978. — 1469 p.
42. *Schumpeter J.* The Meaning of Rationality in the Social Sciences // The Economics and Sociology of Capitalism / Ed. by R. Swedberg. — USA-GB.: Princeton University Press, 1991. — P. 316–338.